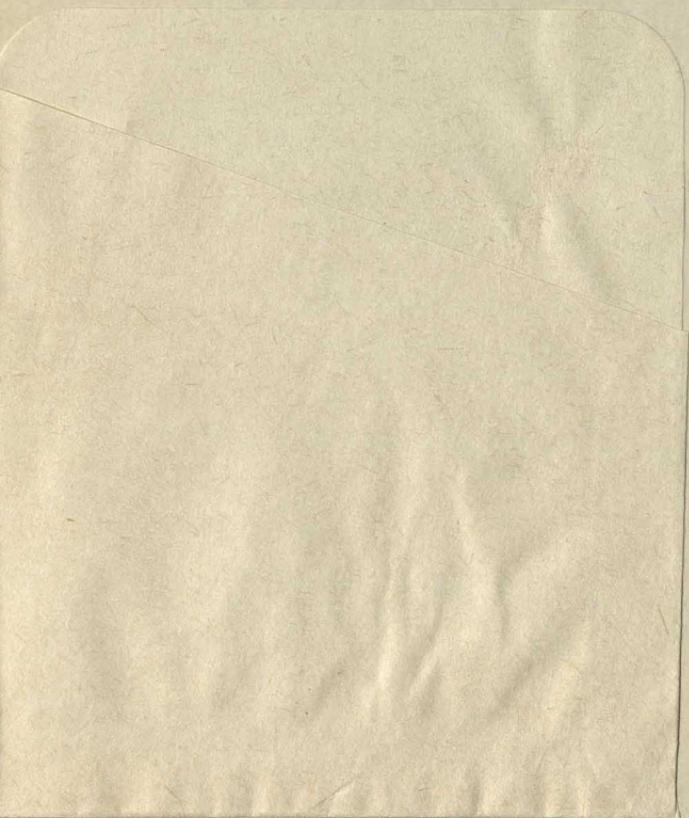

C $\frac{48}{359}$
allegat

C $\frac{48}{359}$

21603

cm - 4 mm - 7 - 0 - 1 -

48
359

allegat

Deposita Lunaticorum

of Baby

О роскоши, или кѣмъ лучше быть: стоикомъ или эпикурейцемъ. *)

Милостивые Государыни и Милостивые Государы.

Недавно я вновь перечитывалъ одно изъ произведеній графа Льва Толстого. Оно, конечно, всѣмъ вамъ хорошо извѣстно. Я говорю о Крейцеровой Сонатѣ. Меня поразили слова Позднышева, близко соприкасающіяся съ той темой, о которой я хочу сегодня поговорить съ Вами.

Вы помните несчастнаго Позднышева. Вотъ, что говоритъ онъ въ томъ мѣстѣ, на которое я хочу обратить Ваше вниманіе. „Да, вы знаете“, началъ онъ, укладывая въ мѣшокъ чай и сахаръ, „то властвованіе женщинъ, отъ котораго страдаетъ міръ, все происходитъ отъ этого“. — „Какъ властвованіе женщинъ?“ сказалъ я. „Права, преимущество правъ на сторонѣ мужчинъ; да гдѣ же эта особенная власть?“ спросилъ я. „Гдѣ власть? да во всемъ. Пройдите въ каждомъ большомъ городѣ по магазинамъ. Милліоны тутъ, не оцѣнишь положенныхъ туда трудовъ людей, а посмотрите въ девяти десятыхъ этихъ магазиновъ, есть ли хоть что-нибудь для мужского употребленія? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Считите всѣ фабрики. Огромная доля ихъ работаетъ бесполезныя украшения, мебель, игрушки—и все для женщинъ. Милліоны людей, поколѣнія рабовъ гибнутъ въ этомъ каторжномъ трудѣ на фабрикахъ, только для прихоти женщинъ. Женщины, какъ царицы, держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда девять десятыхъ рода человѣческаго. А все отъ того, что ихъ унизили, лишили ихъ равныхъ правъ съ мужчиной. И вотъ онѣ мстятъ дѣйствиємъ на нашу чувственность... И прежде мнѣ

*) Публичная лекція, прочтенная 17 марта 1900 г. въ Юрьевскомъ Университетѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Считаю необходимымъ оговориться, что о стоикахъ и эпикурейцахъ я говорю въ современномъ общеупотребительномъ значеніи этихъ словъ. Стоики и эпикурейцы греческой и римской эпохи—были нѣчто совсѣмъ иное, какъ люди и философы.

2012403729

всегда бывало неловко, жутко, когда я видалъ разряженную даму въ бальномъ платьѣ, но теперь мнѣ прямо страшно, я прямо вижу нѣчто опасное для людей и противозаконное, и хочется крикнуть полицейскаго, звать защиту противъ опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предметъ“.

Конечно, мы не послѣдуемъ за Позднышевымъ. Онъ слишкомъ несправедливъ къ женщинамъ. Мы, мужчины, не отстаемъ отъ женщинъ въ умѣніи роскошествовать, и не женщины держатъ въ плѣну рабства рабочихъ. Только ввиду своихъ разстроенныхъ нервовъ Позднышевъ задумалъ звать полицейскаго. Предоставимъ призывать полицію тѣмъ, кто въ этомъ дѣйствительно нуждается, а сами примемъ хладнокровно за разсмотрѣніе вопроса о роскоши.

Въ прочтенной Вамъ цитатѣ изъ Толстого интересно обратить вниманіе на ея болѣе глубокой общій смыслъ. Толстой говоритъ о роскоши и чувственности, какъ о чемъ-то единомъ. Что же такое роскошь, и почему Толстой сопоставляетъ „роскошь и чувственность“ съ представленіемъ о наслажденіи и о рабскомъ, тяжеломъ трудѣ?

Вопросъ о роскоши для лектора опасенъ въ двухъ отношеніяхъ. Прежде всего, ужъ очень это широкій вопросъ, а мнѣ придется трактовать о немъ недолго, коротко.

Вторая опасность смущаетъ меня всего болѣе. О роскоши очень много думали, говорили, писали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а всего все-таки не сказали. Не безъ смущенія поднимаю предъ Вами этотъ старый, но вѣчно юный вопросъ, только съ небольшой частью котораго я могу ознакомить Васъ. Буду счастливъ, если по выслушаніи лекціи Вы найдете, что не всеѣмъ напрасно потратили время. Итакъ къ дѣлу!

Роскошь воплощается въ предметахъ и услугахъ, дающихъ намъ наслажденіе, а мы, экономисты, привыкли понимать подъ наслажденіемъ пользованіе, или, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, „потребленіе“ всякаго рода предметовъ—вещей или услугъ, созидаемыхъ или совершаемыхъ для насъ другими людьми, или же приобрѣтаемыхъ собственнымъ трудомъ. И мы имѣемъ для того вѣскія основанія. Какой-нибудь предметъ мнѣ пріятенъ или нуженъ для удовлетворенія моихъ потребностей,—я добываю его или приобрѣтаю; какая-нибудь работа или услуга другого человека мнѣ пріятна или необходима,—я пользуюсь ею для своихъ личныхъ цѣлей. Экономистъ въ данномъ случаѣ и говоритъ: вы потребляете, ибо то, что вами добыто, приобрѣтено, взято, какъ работа или услуги другихъ людей или какъ нѣкоторая совокупность вещественныхъ предметовъ, служитъ для вашихъ цѣлей, для удовлетворенія вашихъ потребностей, для вашего пользованія и наслажденія, а не для другихъ людей.

Такимъ образомъ вопросъ о роскоши является по существу вопросомъ потребления, но бѣда въ томъ, что его можно разсматривать съ весьма различныхъ сторонъ. Кромѣ экономистовъ, имѣ

занимаются и историки, и психологи, и моралисты. Да и какъ имъ отказать въ этомъ правѣ, если, какъ сейчасъ увидимъ, разсматривая этотъ вопросъ, экономистъ долженъ силою обстоятельствъ оставить узкую почву своей специальности и обратиться за помощью къ другимъ соработникамъ въ области общественныхъ наукъ.

Прежде всего мы должны выяснитъ вопросъ, что такое роскошь, а затѣмъ ближе опредѣлитъ ея отношеніе къ чувственности, чѣмъ это дѣлаетъ Толстой. Не желая обременять Вася массой данныхъ учеными опредѣленіями, я остановлюсь на нѣсколькихъ наиболѣе характерныхъ. Родоначальникъ экономической науки Адамъ Смитъ полагаетъ, что всѣ предметы потребленія можно разбить на двѣ категоріи: а) предметы необходимости; б) все, что тратится сверхъ необходимаго—есть роскошь. „Подъ предметами необходимости“, осторожно оговаривается онъ, „я понимаю не только все, что безусловно нужно для поддержанія жизни человѣка, но и всѣ тѣ предметы, обходиться безъ которыхъ, по установившимся обычаямъ страны, не считаетъ возможнымъ ни одно сколько-нибудь себя уважающее лицо, если оно даже принадлежитъ къ самому низшему классу“. „Льняная рубашка“, поясняетъ онъ, „вовсе не безусловно необходима для поддержанія жизни, не нужны и кожаные сапоги, а между тѣмъ простой рабочей въ нашей странѣ постыдится показаться безъ нихъ въ обществѣ“.

Это опредѣленіе, однако, далеко не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, но оно ярко обнаруживаетъ намъ, что рѣшить вопросъ о томъ, что необходимо и что роскошно, можно только тогда, если мы примемъ во вниманіе ту матерьяльно-нравственную обстановку, среди которой намъ приходится составлять наше опредѣленіе. Но кто же не знаетъ, что эта обстановка вѣчно мѣняется. Въ средніе вѣка, какъ утверждаетъ Бодрильяръ, плотно было еще такъ рѣдко, что даже принцессы дарили своимъ женихамъ рубахи, и весьма былъ распространенъ обычай снимать рубаху, ложась спать. Англійскому рабочему, по словамъ Смита, т. е. въ концѣ 18 вѣка, совѣстно было показываться на народъ безъ сапогъ; кто же не знаетъ, что вся наша деревенская Россія носитъ лапотъ, а часто принуждена и путешествовать по городамъ и весямъ родимой земли босикомъ. Крестьянинъ охотно носилъ бы всегда сапогъ, онъ съ радостью подчинился бы городскому обычаю, но, очевидно, существуютъ какія-то условія, которыя препятствуютъ этому. Отсюда ясно, что опредѣленіе Смита, стремящееся указать намъ только то, что необходимо, неполно, неопредѣленно и вовсе *не говоритъ о томъ, что роскошно*. Въ разныя историческія эпохи, у разныхъ общественныхъ классовъ господствуютъ разные обычаи, да и самая возможность подчиняться этимъ обычаямъ неодинакова. И очень нетрудно понять, отчего зависитъ это обстоятельство. Экономисты нашли тому двѣ главнѣйшія причины: во-первыхъ, общее

положеніе производительныхъ силъ страны, т. е. то количество матеріальныхъ продуктовъ, которыя производитъ ея трудъ, земля и капиталъ, а во вторыхъ, то или иное распредѣленіе добытаго народнаго дохода между разными общественными классами. Трудъ, земля и капиталъ создаютъ человѣку все то, чѣмъ онъ пользуется, что онъ потребляетъ; исторія показываетъ намъ, что прогрессъ человѣчества сопровождается увеличеніемъ производительности этихъ источниковъ народнаго богатства. Факты говорятъ намъ, что не всѣ націи равны по производительности своего труда, капитала и земли, и не всѣ классы одинаково пользуются благами возросшаго народнаго дохода. Ротшильдъ и люди его класса не задумаются истратить на предметы своего потребленія сотни тысячъ, русскій крестьянинъ не купитъ даже второго сорта табаку, а будетъ доволенъ, если для его трубки найдется и махорка. Англія считается богатѣйшей страной въ мірѣ и стоитъ сравнить годовую сумму ея народнаго дохода съ таковымъ же у насъ въ Россіи, чтобы убѣдиться, что она, какъ нація, можетъ роскошнѣе жить, чѣмъ Россія.

Если мы раздѣлимъ общую сумму годоваго національнаго дохода на общее число жителей, то получимъ средній доходъ жителя.

По вычисленіямъ статистика Мюльголла средній доходъ жителя въ Англіи въ 1860 г. равнялся 260 рублямъ. Профессоръ Маршаллъ и статистикъ Джиффенъ для середины восьмидесятыхъ годовъ высчитали, что средній доходъ жителя въ Англіи поднялся до 350 руб. Нашъ русскій статистикъ В. Покровскій для 1894 г. исчисляетъ общую сумму народнаго дохода въ Россіи въ 7922,5 милл. руб., по его мнѣнію, эта цифра меньше дѣйствительной для всей Россіи и относится не болѣе, какъ къ ста милліонамъ жителей. По такому расчету средній доходъ жителя въ Россіи можетъ быть опредѣленъ цифрою близкою къ 80 рублямъ. Изъ этого сопоставленія видно, что средній доходъ жителя въ Россіи въ четыре раза съ половиной меньше дохода англичанина. Поэтому то, что для англичанина будетъ предметомъ необходимости, для русскаго—роскошь.

Чтобы лучше себя представить, какое значеніе имѣетъ распредѣленіе богатства и дохода по классамъ, возьмемъ для примѣра такую молодую страну, быстро проникшуюся всякими хорошими и нехорошими тенденціями новаго времени, какъ Соединенные Штаты С. А. По исчисленію статистика Мюльголла, общая сумма движимаго и недвижимаго богатства этой страны къ 1890 году исчислялась въ 65 милліардовъ долларовъ, т. е. на жителя 1000 долларовъ, или около 2-хъ тысячъ рублей на наши деньги. Изъ этой суммы богатства около 75,4% принадлежало горожанамъ и только 24,6% жителямъ деревень.

Бывшій сенаторъ Гольмсъ, работавшій въ бюро американской переписной комиссіи, получилъ порученіе исчислить распредѣленіе богатства по семействамъ. Онъ пришелъ къ выводу, что 71% всѣхъ богатствъ страны находятся въ С. Ш. въ рукахъ 9% семей,

изъ этихъ 71%—20% богатствъ находятся въ рукахъ 0,03% семей, остальные 29% богатствъ находятся въ распоряженіи 91% всѣхъ семей.

Статистикъ Шпаръ исчисляетъ годичный доходъ этой богатѣйшей страны къ 1896 году въ 10 милліардовъ 800 милліоновъ долларовъ, т. е. въ 431 долларъ (862 рубля) на каждое лицо: мужчину, женщину или ребенка, занятыхъ въ какой-либо отрасли промышленности, а на 1 жителя вообще 166 долл., т. е. 332 рубля.

Слѣдовательно, желая узнать, что считать предметомъ необходимости, намъ слѣдуетъ обратить вниманіе не на обычаи страны и того или другого ея класса, а опредѣлить тотъ средній доходъ, которыми они пользуются. Обычаи и привычки складываются въ прямой зависимости отъ того, какъ великъ доходъ лица, класса или націи. Привычки и весь характеръ потребленія богатой націи всегда существенно будетъ отличаться отъ таковыхъ же бѣдной націи. Опредѣленіе Смита неполно, какъ мы уже сказали, потому, что не отличаетъ роскоши національной, общественной отъ роскоши личной, индивидуальной и классовой, недостаточно отбѣиваетъ, что въ разные историческіе періоды самое представленіе о предметахъ роскоши и необходимости мѣнялось у разныхъ націй, классовъ и отдѣльныхъ людей въ прямой зависимости отъ видоизмѣненія въ ихъ доходахъ. Опредѣленіе Смита, кромѣ того, очень неопредѣленно и въ первой своей части. Что необходимо намъ для поддержанія жизни? Само собою разумѣется, мы можемъ для рѣшенія этого вопроса обратиться къ врачу-гигиенисту и попросить указать намъ, потребленіе какихъ вещей онъ найдетъ нужнымъ для поддержанія нашей жизни. Онъ дастъ намъ своего рода рецептъ, укажетъ намъ, какую пищу мы должны потреблять и въ какомъ размѣрѣ, какую одежду носить, сколько воздуха должно приходиться на человѣка въ нашемъ жилищѣ и т. д. Но по такимъ рецептамъ, какъ всякому извѣстно, никто не живетъ и по понятнымъ причинамъ. У всякаго человѣка и вкусы различны, да наряду съ матеріальными потребностями существуютъ и другія, духовныя, а что важнѣе всего,—часто и средствъ не хватаетъ, чтобы жить, какъ совѣтуетъ гигиенистъ. Профессору нужны книги, адвокатъ нуждается въ извѣстной обстановкѣ: иначе, по установившимся нравамъ, клиентъ къ нему не пойдетъ; всѣ мы, собравшіеся въ этомъ зданіи, отлично понимаемъ, что оно необходимо для воспитанія юношества, для развитія въ нашемъ краѣ наукъ и просвѣщенія, а загляните въ наши аудиторіи, и вы убѣдитесь, какъ мало въ нихъ воздуха, какъ мало мѣста, какъ холодно и сыро въ корридорахъ, какъ негигиенична обстановка и для студентовъ, и для профессоровъ.

Зайдите когда-нибудь въ каморку нашего студента гдѣ-нибудь на Тейхельферской; тамъ иногда такъ мало воздуха и мѣста, что три папироски, выкуренныя сошедшимися побесѣдовать пріятелями, обращаютъ комнату въ курилку провинціального театра.

Заинтересуйтесь узнать, какъ питаются многіе изъ нашихъ юношей, и вы ужаснетесь...

Оставимъ старика Смита и посмотримъ, что говорятъ о роскоши наши современники-экономисты. Изъ множества опредѣленій остановимся только на нѣсколькихъ болѣе удачныхъ. Бельгійскій экономистъ Эмиль де Лавелэ попытался дать болѣе прямое опредѣленіе. „Я называю предметомъ роскоши“, говоритъ онъ, „всякій предметъ, который, не удовлетворяя первымъ насущнымъ потребностямъ, стоитъ много денегъ, а потому и труда, а, слѣдовательно, можетъ быть предметомъ потребления только для немногихъ“.

Итальянскій профессоръ Луиджи Косса, какъ бы дополняя Лавелэ, замѣчаетъ: „подъ роскошью я понимаю потребление, и притомъ непроизводительное, всякихъ ненужныхъ, дорогихъ и излишнихъ вещей“. Итакъ, согласно двумъ этимъ опредѣленіямъ предметъ роскоши не нуженъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей, доступенъ ограниченному кругу лицъ, стоитъ много денегъ и труда, излишенъ и, что особенно важно, представляетъ собою вещь, предназначенную для непроизводительнаго потребления.

Обратите особенное вниманіе на послѣднія слова: „непроизводительное потребление“. Экономисты подъ производительнымъ потребленіемъ обыкновенно понимаютъ такое потребление, которое или, во-первыхъ, увеличиваетъ сумму матеріальныхъ продуктовъ въ распоряженіи человѣка—всякому извѣстно, что, потребляя или, что то же, пользуясь силами земли, своего капитала и труда, человѣкъ кормится и умножаетъ запасъ своихъ продуктовъ—или, во-вторыхъ, говоря вообще, такое потребление, которое содѣйствуетъ наибольшему развитію всѣхъ силъ человѣка, наилучшему выполненію имъ своей социальной и общественной функціи.

Всякое другое потребление экономисты называютъ непроизводительнымъ. Этимъ замѣчаніемъ еще болѣе подчеркивается упущеніе, которое сдѣлалъ А. Смитъ. Профессоръ Маршалъ справедливо говоритъ, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ или инымъ доходомъ человѣка. По его мнѣнію, доходъ каждаго лица или даже класса, занятаго въ любой отрасли промышленности или исполняющаго любую общественную функцію, можетъ считаться ниже необходимаго, надеждающаго уровня, если всякое повышеніе дохода будетъ болѣе, чѣмъ пропорціонально, увеличивать *общественную производительность этого лица или класса*. Замѣчаніе вѣрное, глубокое, имѣющее безконечно важное значеніе. Очень наивенъ былъ бы тотъ экономистъ, который полагалъ бы, что подъ предметами необходимости надо понимать только то, что нужно мнѣ и всякому другому, какъ физической особи, по физиологическимъ предписаніямъ врача-гигиениста. Всѣмъ намъ необходимо цѣлый рядъ другихъ предметовъ, обладаніе которыми можетъ увеличить нашу общую работоспособность, сдѣлать изъ насъ лучшую производительную силу. Всякій классъ имѣетъ, поэтому, право на нѣчто большее сверхъ необходимаго. Возможность имѣть это нѣчто болѣе дѣлаетъ изъ человѣка не только силу высшей общественной производительности, но и даетъ ему то, на что мы всѣ имѣемъ равное право: *право на счастье и на полное развитіе*

своей индивидуальности. Оканчивающийся 19-й вѣкъ тѣмъ и великъ, что онъ поставилъ на очередь разрѣшеніе этой трудной задачи: дать каждому классу не только необходимое, но и нѣчто сверхъ необходимаго въ предѣлахъ такого избытка, который возможенъ по состоянію производительныхъ силъ данной страны и требуется для полнаго развитія индивидуальности человѣка, его свободнаго самоопредѣленія и счастья.

Но и эти замѣчанія еще не вполне разъясняютъ вопросъ. Чтобы ближе подойти къ тому, что слѣдуетъ считать роскошью, мы должны еще разъ припомнить то, съ чего начали, а именно слова графа Толстого.

Толстой говорить о роскоши и о чувственности, какъ о чемъ-то единомъ. Такъ ли это? Одно ли это чувство побуждаетъ насъ стремиться къ потребленію предметовъ роскоши, и что понимать подъ чувственностью?

Одинъ французскій ученый, Бодрильяръ, посвятившій болѣе 20 лѣтъ труда на изученіе вопроса о роскоши въ разныя историческія эпохи и у разныхъ народовъ, полагаетъ, что стремленіе къ роскоши является какъ бы первоначальнымъ инстинктомъ человѣка, и проявленія этого инстинкта существовали всегда и совершенно неуничтожимы. Человѣкъ существо съ многообразными потребностями и „не о хлѣбѣ единомъ живетъ онъ“. Онъ всегда стремился жить прилично, съ возможнымъ достоинствомъ, украсить свою жизнь, сдѣлать ее разнообразной. Нравы и обычаи народовъ всѣхъ временъ показываютъ намъ, что человѣкъ не удовлетворяется простымъ, естественнымъ, необходимымъ, что разумъ и нравственно-эстетическое чувство придаютъ всѣмъ естественнымъ дѣйствіямъ человѣка своеобразный и опредѣленный образъ, выраженіемъ котораго и являются эти нравы, обычаи, культура народа.

У всякаго развивающагося, прогрессирующаго народа эти нравы и обычаи не могутъ и не должны оставаться въ устойчивомъ положеніи, не должны замереть на извѣстной стадіи развитія. Нравы и обычаи должны усложняться, стремиться внести въ жизнь разнообразіе, красоту, внѣшнее достоинство, согласовать ее въ противоположныхъ теченіяхъ, направить на болѣе разумный, ровный, свободный, свѣтлый и радостный путь. Потребность въ разнообразіи жизни, въ красотѣ ея, въ ея благородной умственной и нравственной окраскѣ является тѣмъ могучимъ побужденіемъ, которое заставляеть человѣка не только стремиться къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, но и искать и добывать предметы роскоши. Врядъ ли кто станетъ спорить, что каждый человѣкъ въ правѣ удовлетворять этимъ потребностямъ, и что они служатъ могучимъ стимуломъ къ проявленію энергій, къ труду, но весь вопросъ опять въ предѣлахъ, въ которыхъ проявляются эти стремленія. Кто не знаетъ, что стремленіе къ разнообразію выражается въ господствѣ моды, въ безконечныхъ поискахъ за дорого стоящими ощущеніями всякаго рода, въ стремленіи къ

украшенію, въ разорительныхъ тратахъ на золото, брилліанты и т. п.; стремленіе къ поддержанію внѣшняго достоинства вырождается въ горделивое самовозвышеніе надъ окружающими. Бодрильяръ отлично это понимаетъ и говоритъ: „два самыхъ опасныхъ стимула къ роскоши лежатъ въ *чувственности*, съ одной стороны, и въ *гордости и тщеславіи*, съ другой“. И если прислушаться къ общему мнѣнію относительно людей, о которыхъ говорятъ, что они „роскошествуютъ“, то не трудно будетъ убѣдиться, что такъ обыкновенно судятъ не о тѣхъ, кто живетъ прилично, красиво, разнообразно, полезно для себя и для другихъ, а о тѣхъ, кто хочетъ возвыситься своими тратами надъ другими, кто хочетъ блеснуть, поразить не своими внутренними достоинствами, а внѣшними вещами, потребленіемъ громаднаго количества продуктовъ или вещей, которыя стоятъ страшно дорого, утонченною пресыщенностью своихъ чувствъ, „декаденствомъ“, если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться, своихъ чувствъ и вкусовъ. Въ нашемъ богатомъ обществѣ эта гордость и чувственность выразилась въ подхваченной у Нитше, но затѣмъ еще болѣе извращенной его неразумными поклонниками проповѣди свѣрхчеловѣка, который, т. е. этотъ великій свѣрхчеловѣкъ, пренебрежительно смотритъ на бѣдную толпу, а себѣ оставляетъ право потреблять, потреблять, не трудясь и не внося въ жизнь ничего и не стараясь быть полезнымъ въ какой-нибудь общественной функціи.

И въ этомъ отношеніи Толстой правъ, когда говоритъ о роскоши и чувственности, но только отчасти. Слово выбрано неудачно. У насъ оно имѣетъ особую окраску. Къ сожалѣнію, болѣе подходящаго слова и я не могу найти. Слову „чувственность“ надо придать болѣе распространенное значеніе, и тогда положеніе Толстого приобрѣтетъ надлежащій смыслъ: *погоня за всякими приятными ощущеніями, доставляющими наслажденіе нашимъ чувствамъ*. Съ экономической точки зрѣнія подъ этимъ словомъ: „чувственность“, мы понимаемъ стремленіе удовлетворять всѣмъ потребностямъ нашего „Я“, которыя доставляютъ намъ наслажденіе, какъ бы утонченны эти потребности ни были, какъ бы мало они согласовались съ благомъ и достаткомъ насъ окружающихъ, какъ бы высоки или низки они ни были. Въ этомъ случаѣ извѣстный „свѣрхчеловѣкъ“ неразумныхъ нитшеанцевъ—истинный эпикуреецъ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Онъ гордъ и тщеславенъ своимъ „Я“, своимъ потребленіемъ, своими мыслями и чувствами и можетъ сказать словами Макса Штирнера: „Божественное—дѣло Бога, человѣческое—дѣло людей, мое дѣло—не божественное и не человѣческое. Истинное, доброе, справедливое, свободное—все это меня не касается. Меня касается только то, что принадлежитъ мнѣ; оно такъ же едино, какъ и я одинъ. Мое не переходитъ предѣловъ меня“.

Въ этихъ словахъ, какъ мы еще увидимъ ниже, слышится отголосокъ той „философіи наслажденія“, которая овладѣла умами въ наше время и распространенію которой не мало содѣйство-

вали мои собратья по наукѣ,—экономисты. Философъ древности, напр. Платонъ, говорилъ о необходимости ограниченія потребностей; для него жизнь духа стояла выше всего; экономисты нашего времени въ основу науки положили мысль о неудержимомъ стремленіи всѣхъ людей удовлетворять возможно большую массу своихъ потребностей. Нитшевскій и штирнеровскій „сверхчеловѣкъ“ и хочетъ взять „все и вся“ для своего „Я“. Онъ гордъ безграничностью своихъ потребностей, и что для него маленькіе, беспомощные люди, которые его окружаютъ?

Остановимся теперь на одно мгновеніе и подведемъ предварительный итогъ. Мы видѣли, какъ трудно провести разграничительную черту между предметами роскоши и необходимости, но кое-что сдѣлать можно. И необходимость и роскошь — понятія относительныя. Каждая историческая эпоха имѣетъ свои предметы необходимости и роскоши въ зависимости: во-первыхъ, отъ состоянія производительныхъ силъ страны, во-вторыхъ, отъ распредѣленія народнаго дохода по классамъ, въ-третьихъ, отъ культурныхъ нравовъ и обычаевъ страны, которые создаются постепенно подъ вліяніемъ той или другой величины дохода и являются выраженіемъ права на счастье и развитіе своей индивидуальности, завоеваннымъ для себя тѣмъ или инымъ лицомъ, обществомъ или классомъ.

Примемъ же, какъ доказанное, что подъ предметами роскоши мы будемъ понимать тѣ, которые употребляются нами непроизводительно, стоятъ много труда и денегъ, могутъ быть только достояніемъ немногихъ и, главнымъ образомъ, служатъ для удовлетворенія нашей чувственности.

Вы, можетъ быть, подумаете, что, принявъ такое опредѣленіе, я уже тѣмъ самымъ отвѣтилъ на вопросъ, кѣмъ лучше быть: стоикомъ или эпикурейцемъ? Вы ошибетесь: мы только у самаго начала нашей проблемы.

Я не безъ умысла напомнилъ вамъ слова Макса Штирнера, этого послѣдняго, но и отчаяннаго цвѣтка индивидуалистической философіи нашего вѣка. Штирнеръ въ своей книгѣ „Я и его собственность“ попытался придать плоть и кровь гегелевской абсолютной идеѣ, бауеровскому самосознанію и фейербаховскому гуманизму. Его философскимъ идеаломъ является живой человѣкъ—„Я“, надъ которымъ не стоитъ ничего. Для сохраненія своего „Я“ человѣкъ Штирнера разрываетъ всѣ оковы, которыя создаются ему совѣстью, правомъ, обычаемъ, семьей и государствомъ. „Вы думаете, восклицаетъ онъ, мое дѣло должно быть, по крайней мѣрѣ, хорошимъ дѣломъ. Въ чемъ добро, въ чемъ зло? Я самъ мое дѣло, и я не добръ, и не золь. Добро и зло не имѣютъ для меня никакого смысла“. Для Штирнера разумное общество представлялось, какъ союзъ эгоистовъ, въ который каждый вступаетъ только для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ и выходитъ изъ него, если союзъ не удовлетворяетъ имъ. Не думайте, что я напоминаю вамъ эти слова понапрасну.

Каждому изъ насъ предоставлена нѣкоторая свобода въ извѣстной сферѣ дѣйствій и болѣе всего въ употребленіи того, что мы называемъ нашею собственностью и нашимъ доходомъ. Если за удовлетвореніемъ всѣхъ насущныхъ потребностей, у насъ еще остается свободный избытокъ дохода, мы можемъ потреблять его согласно добродушію нашему желанію. Не правъ ли Штирнеръ, провозглашая здѣсь полное владычество нашего „Я“?

Вы знаете уже, что при помощи трехъ основныхъ производителей орудій—земли, капитала и труда—человѣкъ добываетъ себѣ то, что воплощается въ матеріальныхъ продуктахъ и носитъ названіе дохода. Разные лица и классы имѣютъ, кромѣ того, не равный доходъ. Когда мы говоримъ о жизни простой, жизни стоика, и о жизни роскошной, жизни эпикурейца, мы всегда имѣемъ дѣло съ тѣмъ или другимъ потребленіемъ собственнаго, намъ принадлежащаго дохода.

Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и разные классы, такъ и все общество могутъ потреблять свой доходъ четырьмя различными способами: *во-первыхъ*, если мой доходъ достаточно великъ, если я зарабатываю его въ теченіе, напр. полугода въ такомъ размѣрѣ, что имѣю возможность просуществовать цѣлый годъ, я могу полгода предаваться наслажденіямъ отдыха и досуга; *во-вторыхъ*, я могу избытокъ дохода посвящать на увеличеніе количества матеріальныхъ предметовъ, затрачивать его производительно или капитализировать, какъ говорятъ экономисты; при такомъ способѣ употребленія дохода я буду мало потреблять, но много производить, буду самъ или чрезъ посредство другихъ увеличивать запасъ матеріальныхъ благъ; *въ-третьихъ*, избытокъ дохода можетъ сопровождаться увеличеніемъ моей семьи; я буду кормить большее количество дѣтей. Это положеніе экономистовъ примѣнительно къ отдѣльному лицу звучитъ парадоксомъ, смѣхотворной фразой, но, если вы будете разсматривать общество въ его цѣломъ, въ разныя историческія эпохи и у разныхъ народовъ, то оно окажется имѣющимъ большой смыслъ. Народы, гдѣ въ браки вступаютъ рано, гдѣ число рождающихся дѣтей велико, гдѣ люди живутъ долго, тамъ не успѣваютъ много капитализировать, не обладаютъ большимъ досугомъ: имъ, т. е. такимъ народамъ, надо много работать, надо готовить больше матеріальныхъ благъ, чтобы прокормить всѣхъ. Наконецъ, *четвертый способъ* употребленія дохода имѣетъ ближайшее соприкосновеніе съ нашей темой и выражается въ такъ называемомъ непроизводительномъ потребленіи: а) *во-первыхъ*, въ потребленіи сверхъ необходимаго, въ потребленіи того, что дѣлаетъ нашу жизнь пріятной, приличной, разнообразной, и б) *во-вторыхъ*, въ потребленіи предметовъ роскоши всякаго рода.

Но если мой доходъ принадлежитъ мнѣ, кому спрашивается, и какое дѣло до того, какъ я его употребляю? Максъ Штирнеръ съ своей точки зрѣнія вполне послѣдовательно восклицаетъ: „Человѣкъ ни къ чему не призванъ, у него нѣтъ никакой задачи,

онъ ни къ чему не обязанъ, и это такъ же вѣрно, какъ ни къ чему не призваны всякое растеніе и животное. Цвѣтокъ вовсе не слѣдуетъ какому-то призванію развиваться. Онъ обнаруживаетъ свои силы только для того, чтобы по возможности болѣе наслаждаться природою и потреблять; другими словами, цвѣтокъ сосетъ соки земли, поглощаетъ воздухъ и свѣтъ солнца, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ можетъ получить ихъ и завладѣть. То-же приложимо и къ человѣку. Я, какъ реальность, вовсе не заключается въ какихъ-то стремленіяхъ, а въ наслажденіи, въ потребленіи своего „Я“ и окружающаго“.

Для каждаго очевидно, что эгоистическое и наслаждающееся „Я“ Штирнера представляетъ собою простую, но нелѣпую абстракцію. Человѣкъ можетъ наслаждаться только въ предѣлахъ, которые ему указываетъ общество. Какъ личность, человѣкъ существуетъ только въ обществѣ и благодаря обществу, которое доставляетъ, обеспечиваетъ ей тотъ доходъ, который служитъ для нея источникомъ наслажденій. Какъ единичное „я“, человѣкъ обращается въ дикое животное и теряетъ все. Но въ чемъ же и гдѣ предѣлы этого потребленія, какой изъ четырехъ указанныхъ способовъ наиболѣе цѣлесообразенъ въ смыслѣ потребленія и притомъ, замѣйте, *неравнаго* дохода. Досугъ, размноженіе, капитализацію или роскошь рекомендуетъ экономистъ всѣмъ владѣльцамъ *избыточнаго* дохода?

Если бы я пожелалъ обсуждать поставленные вопросы подробно, то долженъ былъ бы посвятить этому не одну, а много, очень много лекцій. Мы ограничили нашу задачу уже ранѣе сдѣланнымъ опредѣленіемъ и должны оставаться въ его предѣлахъ. Я могъ бы назвать безконечный рядъ философовъ и экономистовъ, которые утверждаютъ, что роскошь, чувственная, дорогая и расточительная, не только не является воплощеніемъ Штирнеровскаго эгоизма въ общественной жизни, а благодѣлѣннѣйшимъ учрежденіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, загляните, напр., въ сочиненія хотя бы *Мандевилля, Юма, Мелона, Вольтера, Мальтуса, Леруа-Болье* и друг. Досугъ, разсуждаютъ они, необходимъ только, какъ сонъ. Если онъ продолжается слишкомъ долго и выражается въ бездѣятельности, онъ порождаетъ усталость и пресыщенность, несовмѣстимыя съ счастливою жизнью. Размноженіе—необходимо, какъ продолженіе самихъ насъ, но само по себѣ не можетъ являться цѣлью человѣческой жизни. Цѣль ея въ развитіи индивидуальности, въ наслажденіи, въ служеніи идеалу, въ стремленіи создать изъ своей жизни нѣчто прекрасное, служащее примѣромъ и не нарушающее счастья другихъ. Съ этими аргументами охотно можно согласиться, но за ними слѣдуютъ часто еще два, на которыхъ намъ надо остановиться и обсудить ихъ внимательно.

Человѣкъ, потребляющій дорогіе предметы роскоши, послѣдовательный эпикуреецъ, часто услышите вы изъ разныхъ устъ, благо для общества и вотъ по какимъ причинамъ. Если онъ благородный и высокій эпикуреецъ, если онъ тратитъ свой доходъ на предметы, которыми наиболѣе украшается и усовершенствуется

его личная жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—онъ является примѣромъ высшей индивидуальности. Но если онъ даже обыкновенный чувственный эпикуреецъ, потребляющій довольно неразборчиво все, что въ данный моментъ доставляетъ ему наслажденіе, то и тогда онъ полезенъ. Потребляя предметы дорогой роскоши, такой эпикуреецъ полезенъ и необходимъ по двумъ соображеніямъ: *во-первыхъ*, его непроизводительное потребление, уменьшая общую массу продуктовъ въ странѣ, замедляетъ ходъ размноженія. Если бы избытки доходовъ всѣхъ эпикурейцевъ сдѣлались достояніемъ массъ, борьба за существованіе облегчилась бы, людская непредусмотрительность возрасла бы, человѣчество стало бы размножаться съ колоссальной быстротой, и скоро наступило бы царство всеобщей бѣдности. Для размножившагося населенія не хватало бы и насущныхъ предметовъ пропитанія. *Во-вторыхъ*, если бы эпикуреецъ сталъ капитализировать, собирать свои доходы и прятать ихъ, многія отрасли промышленности остановились бы, и рабочіе въ нихъ остались бы безъ занятій, а, слѣдовательно, и безъ хлѣба. Потребляя свой доходъ, эпикуреецъ уничтожаетъ готовый, произведенный для удовлетворенія его потребностей продуктъ, потребляеть его самъ, но издержки по производству продукта онъ долженъ предварительно оплатить; другими словами, самъ онъ можетъ потратить только часть своего дохода, другую часть онъ долженъ передать производителямъ, или иначе, оплатить затраты фабриканта, его прибыль и заработныя платы, выданныя имъ трудившимся рабочимъ. Увеличивая свои траты на роскошь, онъ, тѣмъ самымъ, даетъ *большее* количество занятій производителямъ, т. е. увеличиваетъ шансы заработка фабрикантовъ и рабочихъ.

Вотъ съ какой аргументаціей мы часто имѣемъ дѣло. Экономистъ долженъ рассмотреть эту аргументацію *объективно*, т. е. безъ всякаго соотношенія къ возникающимъ моральнымъ соображеніямъ. Наука не знаетъ моральныхъ соображеній при своемъ теоретическомъ анализѣ; она объективно анализируетъ даже то, въ чемъ ясно видно простое лицемѣріе—это архи-приличное существо нашего времени, всѣми принимаемое съ полнымъ радушіемъ.

Возьмемъ сначала нашего неблагороднаго, чувственнаго эпикурейца, а таковыхъ всегда нѣсть числа, тогда какъ „идеальныхъ“ эпикурейцевъ считаютъ по пальцамъ. Прежде всего въ указанной аргументаціи замѣтно явное противорѣчіе, а между тѣмъ многіе писатели, не смущаясь, повторяютъ ее. Если эпикуреецъ уменьшаетъ общую массу продукта и задерживаетъ размноженіе массъ, то какъ тѣмъ самымъ онъ даетъ увеличеніе занятій труду? Если эпикуреецъ потребленіемъ части своего дохода, воплотившемся въ извѣстномъ количествѣ готоваго произведеннаго продукта за погашеніемъ издержекъ производства, дѣйствительно уменьшаетъ общую массу продуктовъ, которая могла бы пойти на удовлетвореніе потребностей многихъ, онъ

дѣйствительно тѣмъ самымъ способствуетъ бѣдности среди массъ и усиленію борьбы за существованіе, но отсюда, къ сожалѣнію, вовсе не вытекаетъ тотъ выводъ, что размноженіе массъ задерживается бѣдностью. Факты говорятъ намъ нѣчто прямо противоположное. Я могъ бы привести вамъ безконечное количество статистическихъ данныхъ, которыя съ яркой очевидностью подтверждаютъ тотъ фактъ, что бѣдность, низводящая человѣка до удовлетворенія однѣхъ насущнѣйшихъ потребностей, лишаящая его всѣхъ высшихъ радостей жизни, всегда сопровождается двумя печальными послѣдствіями: во-первыхъ, усиленнымъ размноженіемъ и, во-вторыхъ, высокою смертностью. И оба эти обстоятельства вреднѣйшимъ образомъ отражаются и на культурѣ, и на благосостояніи, и на ростѣ производительныхъ силъ страны. Всякое рожденіе и всякая смерть, прежде всего, стоятъ денегъ, во-первыхъ, быстрое вымираніе народившагося населенія препятствуетъ выработкѣ промышленныхъ навыковъ и послѣдовательной передачѣ нравственныхъ и культурныхъ устоевъ отъ одного поколѣнія къ другому, во-вторыхъ, всякій взрослый человѣкъ составляетъ производительную силу; чѣмъ дольше она дѣйствуетъ, чѣмъ лучше сохраняется ея сила, тѣмъ быстрее совершается ростъ благосостоянія страны. Теперь для экономистовъ стало банальной истиной положеніе, что не пониженіемъ благосостоянія достигается сокращеніе размноженія населенія, а увеличеніемъ его достатка, досуга и знанія, развитіемъ и усовершенствованіемъ его потребностей. Только благосостояніе дѣлаетъ человѣка стойкимъ, выдержаннымъ въ борьбѣ за существованіе, умѣющимъ сознавать свои права и обязанности. Какъ экономистъ, опираясь на груды данныхъ, я могъ бы сказать: счастливые эпикурейцы, подѣлитесь частью своего дохода съ массами, отдайте часть своей излишней роскоши на увеличеніе достатка и культуры массъ и вы ничего не потеряете; вы пожнете жатву сторицею; общій подъемъ культуры и благосостоянія отразится и на васъ самихъ: это вамъ выгодноѣ.

Я долженъ перейти теперь ко второму аргументу. Вы можете мнѣ сказать: вы забываете, что эпикурейцы такъ и поступаютъ: своими тратами они даютъ занятіе труду, и больше требовать отъ нихъ ничего нельзя. Не будь шелковыхъ платьевъ, не было бы и шелковыхъ фабрикъ и т. д. Разберемъ этотъ аргументъ поподробнѣе. Когда-то экономисты останавливались съ недоумѣніемъ предъ этимъ вопросомъ, но теперь и онъ болѣе или менѣе разъясненъ.

Предположимъ, вы имѣете избытокъ дохода въ сто рублей и хотите его истратить. Ваши насущныя потребности удовлетворены, тогда вы покупаете предметы роскоши, скажемъ, шелкъ, бархатъ. Они производятся на шелковой или бархатной фабрикѣ, значитъ тѣмъ самымъ для того, чтобы получить эти матеріи, вы должны оплатить издержки производства производителя шелковыхъ и бархатныхъ матеріи, прибыль руководящихъ предпрія-

тѣми капиталистовъ и заработныя платы занятыхъ ими рабочихъ. Такимъ образомъ представляется, будто отмѣченная аргументація совершенно неопровержима: трудъ получилъ новую работу. Измѣнимъ наше предположеніе. Допустимъ, что 100 пудовъ хлѣба производится такимъ же количествомъ труда и капитала, какъ и шелковая матерія. Если вы вмѣсто шелка купите 100 пуд. хлѣба, то, очевидно, дадите такое же количество занятій труду. Слѣдовательно, вашъ избытокъ дохода въ сто рублей всегда является своего рода заказчикомъ или покупателемъ труда на полную сумму своей стоимости. Важно не то, чтобы вы покупали тѣ или другіе предметы, а вообще, чтобы вы тратили, а не прятали свой доходъ. Всякая трата одинаковой стоимости создаетъ спросъ на трудъ: въ первомъ случаѣ вы давали занятіе рабочимъ шелковой промышленности, во второй земледѣльческой. Различіе, слѣдовательно, имѣется въ послѣдствіяхъ, вызываемыхъ вашей тратой. Своими тратами вы поощряете или, лучше сказать, вызываете или производство предметовъ роскоши, или производство предметовъ необходимости. Нельзя, поэтому, утверждать, что роскошь, роскошное потребленіе, создаетъ новый спросъ на трудъ. Всякая трата дохода создаетъ этотъ спросъ; характеръ потребленія только видоизмѣняетъ направленіе, въ которомъ затрачивается трудъ и опредѣляетъ тотъ видъ труда, который получаетъ работу.

Не забудьте и того (а это особенно важно), что вы можете поступить и еще иначе. Вмѣсто того, чтобы потреблять матеріальные продукты самолично, вы можете передать избытокъ своего дохода, затрачиваемый на роскошь, и въ другія, болѣе нуждающіяся руки, или вообще истратить на общепользныя цѣли. Вмѣсто васъ будутъ потреблять другіе, трудъ и капиталъ получать прежнее количество занятій и только вновь направленіе производительной дѣятельности измѣнится: будутъ производиться продукты для тѣхъ, которые нуждаются въ насущныхъ предметахъ и которымъ вы помогли въ борьбѣ за существованіе.

Опасаться того, что владѣльцы избыточнаго дохода стануть только сберегать, капитализировать, нечего: Плюшкиныхъ много на бѣломъ свѣтѣ!

Послѣдствія вашего распоряженія доходомъ могутъ имѣть, однако, важное общественное значеніе. Еще Рикардо въ своихъ „Началахъ Политической экономіи“ сдѣлалъ по этому предмету любопытное замѣчаніе. „Если землевладѣлецъ или капиталистъ, пишетъ онъ“ тратитъ свой доходъ, на подобіе древняго барона, на содержаніе большаго количества партизановъ или слугъ, то онъ даетъ занятіе гораздо большому количеству труда, чѣмъ если бы онъ покупалъ тонкія сукна или дорогую мебель, „коляски“ лошадей и всякіе другія предметы роскоши. Итакъ, продолжаетъ онъ, будучи заинтересованы въ спросѣ на трудъ, рабочіе естественно должны желать, чтобы на предметы роскоши расходовалось, какъ можно менѣе „а на содержаніе прислуги, взамѣнъ

того возможно болѣе“. Всѣ мы знаемъ, что расходъ на прислугу одинъ изъ самыхъ непродуцительныхъ. Прислуга потребляетъ блага и не создаетъ ничего. Очевидно выгоднѣе для общества содержать продуцительныхъ работниковъ, которые или увеличиваютъ количество материальныхъ благъ, или содѣйствуютъ подъему знанія, культуры, счастья своихъ согражданъ. Прислуга уничтожаетъ богатство, продуцительные работники прямо или косвенно его создаютъ или увеличиваютъ общее счастье людей. Спросите экономиста, что произойдетъ, если вмѣсто дорогихъ, эфемерныхъ, часто быстро уничтожающихся предметовъ роскоши, вы станете покупать, или, что то же, вызывать производство полезныхъ предметовъ, которые необходимы и для васъ, и для сноснаго, разумнаго существованія вашихъ согражданъ? Онъ отвѣтитъ вамъ: наплывъ въ эти отрасли промышленности капиталовъ увеличится. Чѣмъ болѣе будетъ притекать въ нихъ капиталовъ, тѣмъ усовершенствованнѣе станутъ производство, а это выразится двумя послѣдствіями: продукты подешевѣютъ и станутъ доступны болѣе широкому кругу лицъ—*это во-первыхъ*, а, *во вторыхъ*, первоначально ваши траты будутъ занимать прежнее количество рабочихъ, но съ удешевленіемъ изготовленнаго продукта у васъ останутся избытки въ доходѣ, который вы вновь можете затрачивать на покушку труда. *Въ-третьихъ*, вы своими тратами на полезные предметы будете содѣйствовать полезному продуцительному труду и, наконецъ, *въ-четвертыхъ*, я уже говорилъ вамъ, что, затрачивая вашъ доходъ на покушку всякихъ предметовъ, вы совершаете двойную операцію: во-первыхъ, вы оплачиваете издержки производства, прибыли капиталиста и заработныя платы рабочихъ и, во-вторыхъ, получаете въ руки изготовленный ими предметъ, который въ конечномъ результатѣ и потребляетъ, т. е. уничтожаетъ. Богатство страны, или ея запасъ всякихъ материальныхъ благъ отъ всякаго потребленія, слѣдовательно, уменьшается. Всякому понятно и извѣстно, что роскошное потребленіе уничтожаетъ дорого стоящія блага. Расширить потребленіе въ этой области возможно очень сильно. Каждая трата на роскошь будетъ, слѣдовательно, уменьшать богатство страны гораздо скорѣе, чѣмъ трата на полезные и необходимые предметы. Громадное количество людей трудится для приготовления совершенно ненужныхъ вещей; онѣ быстро потребляются, и скоро у роскошныхъ расточителей не остается ничего, трудъ лишается заработка, а уничтожена масса предметовъ и полезныхъ силъ.

Эмиль Лавелэ справедливо спрашиваетъ: „что остается послѣ бала, на который мы собираемся въ разряженномъ видѣ и гдѣ мы часто тратимъ деньги безъ счета? Ничего, отвѣчаетъ онъ, кромѣ испорченныхъ желудковъ, возбужденныхъ нервовъ, чувства удовлетвореннаго тщеславія. Національное благосостояніе потерпѣло ущербъ въ двухъ отношеніяхъ: непродуцительно потреблено громадное количество предметовъ и силъ. Если то же коли-

чество силъ будетъ истрачено на полезныя работы, то у насъ останется хорошо дренированный лугъ, прекрасно обработанное поле и разумно устроенный лѣсъ, кака-нибудь новая машина, частица желѣзной дороги и т. д. Страна сдѣлается богаче. Всѣ предметы станутъ дешевле, и доходъ будетъ больше; спросъ на трудъ и заработная плата возрастуть“.

Наконецъ, *въ-пятыхъ*, затрачивая свой доходъ на какія бы то ни было общепольныя цѣли, вы будете давать такое же занятіе промышленности, какъ и прежде, но будете сами для себя тратить меньше, облегчите борьбу за существованіе другимъ.

Все это хорошо, скажутъ намъ, но какой же интересъ владѣльцу избыточнаго дохода ограничивать свои потребности или потребленіемъ только полезныхъ, необходимыхъ или даже украшающихъ его жизнь предметовъ, или передачей своего потребленія въ руки государства, общества и болѣе его нуждающихся согражданъ. Полезными предметами эпикуреецъ достаточно снабженъ; только потому онъ и бросается въ погоню за ощущеніями за всякими эфемерными предметами чувственной роскоши, а кто его можетъ заставить думать о себѣ подобныхъ?

Да, въ этомъ лежитъ несчастье современныхъ богатыхъ обществъ. Траты на роскошь разорительны для страны, избытку дохода можно найти много лучшихъ употребленій, но что же дѣлать, если владѣлецъ дохода хочетъ потреблять его такъ, а не иначе?

Но неужели же обладаніе избыточнымъ доходомъ какъ бы неизбежно влечетъ къ эпикурейству? Экономистъ, къ сожалѣнію, долженъ сказать: да, чаще всего это бываетъ такъ. Но если моралистъ поторопится его спросить, кого же изъ двухъ эпикурейцевъ экономистъ предпочитаетъ: благороднаго или чувственнаго, то онъ покачаетъ головой и скажетъ: „какъ экономистъ-теоретикъ, какъ человѣкъ, объективно анализирующій явленія, я уже сказалъ, что роскошь уменьшаетъ народное благосостояніе и усиливаетъ для многихъ борьбу за существованіе, и больше ничего сказать не могу. Если же вы хотите знать мое мнѣніе, какъ обыкновеннаго человѣка, то я отвѣчу: ни того, ни другого“.

Экономистъ имѣетъ постоянное дѣло съ распредѣленіемъ народнаго дохода, и въ этой области онъ сталкивается съ массой наблюденій, которыя заставляютъ его страдать. Онъ видитъ, что бѣдность составляетъ удѣлъ многихъ, что она часто лишаетъ человѣка всякаго счастья, вѣчно заставляя бороться только за поддержаніе жизни. Онъ знаетъ также, что умѣреннаго дохода достаточно для разумной дѣятельной и полезной жизни. Отъ моралистовъ же онъ постоянно слышитъ въ качествѣ идеала жизни формулу: просто жить, хорошо мыслить и чувствовать, честно дѣйствовать. Отчего же не поставить въ отвѣтъ моралисту такой вопросъ: „можетъ ли вашъ благородный эпикуреецъ служить образчикомъ развитой индивидуальности, служить идеалу, работать на пользу наукъ и искусствъ, если его будетъ окружать

дикая, бѣдная и несчастная масса? Вѣдь, не правда ли, наука, искусство и все, что скрашиваетъ жизнь и придаетъ ей культурный характеръ, стоитъ относительно недорого, и лучшія произведенія науки и искусства созданы не эпикурейцами?“

Экономистъ, поэтому, какъ простой гражданинъ скажетъ владѣльцу избыточнаго дохода: «лучше жить просто, стойкомъ, а для избытка твоего дохода можно найти много употребленій гораздо лучшихъ, чѣмъ безумныя траты на чувственную роскошь. Справься, какъ невеликъ средній доходъ страны, и истрать свой избытокъ на устраненіе страданій твоихъ ближнихъ, на развитіе среди нихъ знаній, просвѣщенія, благородныхъ чувствъ, протяни руку тому, кто трудится и въ потѣ лица своего создаетъ тебѣ твой избыточный доходъ».

Никогда, поэтому, эпикурейцу не слѣдуетъ забывать, что простая, бѣдная жизнь удѣлъ большинства его согражданъ. Сколько благодарности онъ можетъ заслужить, истративъ свой избыточный доходъ не на себя, а на созданіе учреждений, которые скрашиваютъ эту бѣдную жизнь и приобщаютъ ее къ благамъ современной культуры. Я не могу останавливаться на исчисленіи тѣхъ безконечно многочисленныхъ способовъ, при помощи которыхъ владѣлецъ избыточнаго дохода можетъ вмѣсто потребленія эфемерныхъ предметовъ чувственной роскоши содѣйствовать трудной работѣ подъема счастья и просвѣщенія своихъ согражданъ. Достаточно будетъ напомнить объ отгѣченномъ ранѣ различіи между роскошью индивидуальной и общественной. Сошлюсь на Бодрильера. „Общественная роскошь“ (разумная, а не чувственная, добавимъ отъ себя), говоритъ онъ: „если она надлежащимъ образомъ организована, вотъ что выгодно и желательно для всѣхъ. Она лишаетъ индивидуальную роскошь ея изолированнаго, своекорыстнаго характера и даетъ возможность массамъ пользоваться благами, которыми обыкновенно пользуются только богатые. Иногда она приобщаетъ массы къ наслажденіямъ, открывая общественные парки, театры, иногда она дѣлаетъ доступными сокровища искусствъ, открывая художественные музеи, иногда сокровища наукъ и промышленныхъ искусствъ, создавая общественныя библіотеки и промышленные музеи“. Можно было бы насчитать еще цѣлую массу этихъ полезныхъ учреждений общественной роскоши, но сегодня я остановлюсь только на одномъ изъ полезнѣйшихъ способовъ траты избыточнаго дохода.

Мы всѣ собрались сегодня, чтобы содѣйствовать поддержкѣ нашей учащейся университетской молодежи. Меня могутъ сразу остановить вопросомъ, но развѣ о высшемъ образованіи мы не говоримъ часто, какъ о роскоши? Какъ экономистъ, я и самъ знаю, что наше сравнительно бѣдное государство въ 1880 г. тратило на одного студента около 385 рублей; правда, къ 1894 г. эти расходы понизились до 318 рублей, но все-таки при среднемъ доходѣ на жителя въ 80 руб. это не мало. И тѣмъ не менѣе я не побоюсь сказать: нѣтъ, это содѣйствіе и общества, и государства

не роскошь, а необходимость... при одномъ условіи. Экономистъ и здѣсь своеобразно смотритъ на человѣка. Я уже говорилъ вамъ, что все свое вниманіе онъ обращаетъ на развитіе „производительныхъ силъ“, на ихъ сохраненіе и усовершенствованіе. Человѣкъ для него хорошъ тогда, если онъ, какъ отличная машина, дѣлесообразно выполняетъ свою функцію. Человѣкъ же становится хорошей машиной только тогда, когда онъ развиваетъ свой духъ, свое знаніе, свою самостоятельность, свою работоспособность. Наша университетская молодежь со временемъ должна стать важной производительной силой: медикъ будетъ охранять народное здравіе, юристъ право и порядокъ, филологъ займется воспитаніемъ будущихъ поколѣній, отъ естествознаника будетъ зависеть самое умѣнне пользоваться силами природы. Такимъ образомъ, какъ бы это ни дорого намъ было, но мы должны заботиться о поддержаніи, развитіи и сохраненіи этихъ „производительныхъ силъ въ людяхъ“, а ихъ у насъ еще такъ мало! Чтобы не обременять васъ цифрами, скажу только еще два слова. По свѣдѣніямъ 1898 г., во всѣхъ русскихъ университетахъ воспитывалось 16.204 человѣкъ, изъ нихъ, слѣдовательно, должно было окончить около 4000 человѣкъ. Другими словами на 128 милліоновъ народонаселенія мы въ годъ увеличиваемъ запасъ нашихъ культурныхъ производительныхъ силъ всего на 0,003%. Подумайте при этомъ, что коса смерти уноситъ ежегодно свою долю изъ стараго состава этихъ силъ. Немудрено, поэтому, что по даннымъ медицинскаго департамента, напр., оказывается, что у насъ 1 врачъ приходится въ

12 неземскихъ губ.	34 земскихъ губ.
на площадь въ 8,640	1,800 кв. верстъ
„населеніе“ 101,100	42,000 человѣкъ

Какъ видите, для насъ студентъ не роскошь, о немъ мы должны заботиться; но нужно только, чтобы и онъ помнилъ, что, воспитанный грошами народа, онъ не можетъ быть эпикурейцемъ въ послѣдствіи. Ему, да и всѣмъ намъ, такъ и хочется напомнить слова недавно почившаго извѣстнаго англійскаго художественнаго критика, экономиста и моралиста Джона Рескина: „Богатство есть жизнь, жизнь, включающая въ себѣ всѣ силы любви, радости, созерцанія. Та страна можетъ быть названа богатѣйшей, которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ; тотъ человѣкъ богаче всѣхъ другихъ, кто, выполнивъ функцію своей жизни съ наибольшей полнотой, меньше всего взялъ для себя отъ другихъ, больше всего работалъ надъ собой и для ближнихъ и кто имѣлъ при посредствѣ своихъ силъ, средствъ и имущества наиболѣе широкое и благотѣльное вліяніе на жизнь другихъ“.

Александръ Миклашевскій.

Ср. А. Smith. Wealth of Nations. Mandeville, Fable of Bees. Melon, Essais Politique sur le Commerce. Voltaire, Le Mondain, Defense du Mondain ou l'Apologie du Luxe. Baudrillart, Histoire du Luxe. Em. de Laveley, Du Luxe. Marschall, Principles of P. Econ. Leroy-Beaulieu. Traite d'E. Polit. и другіе.

Handwritten signature or text at the bottom of the page, possibly reading "L. J. ...".